

Заваль.

Страничка къ имѣющей когда нибудь составиться исторіи старообрядчества въ вологодскомъ краѣ*).

Познаніе мѣстностей, особенно дѣственнаго сѣвера, присяженное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить нате дѣши аніе свѣтомъ истины. Сюда, опытные наблюдатели!

И. М. Строевъ въ отчетѣ своемъ 1829 г. академіи наукъ.

Причтъ черевковской Успенской церкви, сольвычегодскаго уѣзда, отъ 27 января 1821 г. рапортовалъ преосвященному вологодскому Онисифору, что въ ихъ приходѣ съ 1797 года открылся расколъ, коимъ заражены до 150 человекъ. Произошло это, съ частаго обращенія черевковскихъ жителей въ г. Архангельскъ съ какими то пустынножительными мужиками. Изъ деревень раскольники ушли въ дѣсу, въ мѣсто, называемое Заваль, на разстояніи 30 верстъ отъ волости, тамъ они построили кельи, въ которыхъ и живутъ безвыходно. У нихъ выстроено обширное зданіе для молебъ и края украшены наподобіе храма съ колоколами. Въ большіе праздники въ молебню собираются не только окрестные раскольники, но и православные. Нѣкоторые изъ раскольниковъ ходятъ въ монашескомъ одѣяніи и повремени надѣваютъ мантии. Приходящихъ сюда перекрещиваютъ по своему обряду; вразумленіе со стороны причта словомъ успѣха не имѣетъ.

О началѣ раскола въ черевковскомъ приходѣ сообщены здѣсь причтомъ положительно невѣрныя свѣдѣнія. Старообрядчество свило себѣ гнѣздо въ немъ съ весьма давняго времени, о чемъ свидѣлствуетъ слѣдующее мѣсто изъ книги св. Дмитрія Ростовскаго:

«Резыскъ о Брынской вѣрѣ». Повѣда намъ Устюга города человекъ гостинняа содѣи Максимъ Даниловъ, прозваніемъ Пивоваровъ, бывъ у

*) Примѣчаніе автора: Написана по рукописнымъ архивнымъ документамъ. Исторія вологодскаго старообрядчества въ печати не имѣется.

насть въ Ростовѣ сего 1709 года о святой недѣли свѣтлаго Воскресенія Христова, сказую еще: на Устюгѣ Великомъ, въ приказной избѣ въ дѣлахъ пишется: во 196 или во 197 (1688 1689) годѣхъ (сказать-де подлинно года не упомяну) въ устюжскомъ уѣздѣ, въ черевковской волости, отъ Устюга града 120 верстъ, въ дѣсу были раскольники съ 300 человекъ, и по извѣтомъ сотскихъ волостей тѣхъ и крестьянъ извѣстно было воеводѣ Тимофею Ивановичу Ржевскому, что живутъ въ дѣсахъ раскольники: и онъ, воевода, посылалъ къ нимъ людей для взятія тѣхъ раскольниковъ въ городъ; и они, раскольники, учинились ослупши. А въ тѣхъ дѣсахъ сдѣланы были у нихъ, раскольниковъ, великія хранины, и кругомъ ограда: а подъ хранинами ископаны были въ землѣ пещеры. Посланныя же отъ воеводы егда хотѣли взять ихъ, они раскольники, учинились сильны и не дались; и тѣ свои хранины со многолюдствомъ обволокли соломой и зажали, и сами въ нихъ сгорѣли, а другіе въ пещерахъ, аже подъ хранинами, задохлись и изгибли. И многіе годы въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сгорѣли, по вся ношн слышались гласы плачевныя кричащіе: охъ, погибли! охъ, погибли! Есть же и донынѣ на томъ мѣстѣ смрадь великій». Есть достаточное основаніе утверждать, что описанный случай самосожженія происходилъ именно въ мѣстности Заваль.

Доносъ о происшедшемъ въ черевковскомъ приходѣ генералъ-губернатору, Онисифору писалъ, что по закону раскольниковъ дозволяется имѣть съ разрѣшенія духовнаго начальства свои храмы и составлять приходы, но на правахъ единенія съ церковью, что указъ св. синода 29 марта 1800 г., не стѣсня въ вѣрѣ простыхъ раскольниковъ, презлѣдуетъ ихъ лжеучителей, и въ заключеніе просилъ изслѣдовать, кто тѣ пустынножители, соблазняющіе черевковскихъ жителей, чѣмъ иждигеніемъ и съ какого времени построена молебня на Заваль въ чемъ состоитъ богослуженіе въ ней и кто его отправляетъ, и принять противъ развратителей народа за-

конныя мѣры. Какіе были результаты этого донесенія, намъ не извѣстно.

По постановленію консисторіи 31 мая 1829 года, на основаніи секретнаго указа св. синода 22 марта 1800 г., дѣло обращенія на правый путь старообрядцевъ въ краѣ поручено было архимандриту сольвычегодскаго Введенскаго монастыря Августину, при содѣйствіи черевковскаго священника Григорія Попова.

Любопытно, что Августинъ вызвался на миссіонерство самъ. «Еслибы, — писалъ онъ архіерею — дѣло искорененія раскола въ сольвычегодскомъ уѣздѣ угодно было вашему преосвященству поручить мнѣ, то я въ силы и здорověе положилъ бы на это, при содѣйствіи гражданской власти». И дѣйствительно, архимандритъ оказался чрезвычайъ ревностнымъ дѣятелемъ противъ раскола. Уже отъ 21 августа 1829 г., управляющій вологодскою удѣльною конторою доносилъ преосвященному, что по распоряженію Августина нѣкоторые крестьяне держатся подъ стражею больше 10 сутокъ, и спрашивается, съ какого это съ закономъ, такъ какъ этимъ можно разстроить крестьянское хозяйство. Духовное начальство постаралось умирить пылъ ретиваго борца. Отъ 24 того же августа Августину былъ посланъ указъ, чтобы онъ «уклонившихся отъ православія въ расколъ приводилъ въ покаяніе невѣжества ихъ отнюдь не отвлекая ихъ отъ работъ и не вѣржываятъ подъ арестомъ, и при томъ не строгостію и принужденіемъ, но апостольскимъ ученіемъ и увѣщаніемъ, а въ случаѣ не склонности ихъ не только насилія и притѣсненія не чинить, но и видовъ грубыхъ и огорченій, которые могутъ, вмѣсто пріобрѣтенія души, каждаго привести въ большее отвращеніе и злобу, отнюдь не показывая, во вторыхъ, чтобы по своему отбытіи изъ прихода, онъ секретно давалъ наставленія священнику приводить заблудшихъ чрезъ благопрістойное, ласковое и пріятельское съ ними обращеніе, въ разглагольствіи изыскивалъ бы случаи добровольные, а не принужденные».

Особенное вниманіе Августинъ

обратилъ на скитъ Заваль, называя его центромъ раскола во всемъ уѣздѣ. Здѣсь — донесилъ онъ, — есть молебница съ колоколами въ которую по праздникамъ, кромѣ постоянныхъ жителей Завала, стекается множество окрестныхъ раскольниковъ; кладутся тутъ и умершіе; о нѣкоторыхъ изъ нихъ раскольническіе наставники распространяютъ слухъ, что это святые, почитаютъ они не тѣлѣнно, но только безъ свидѣтельства, котораго, по настоящему царству антихриста, сдѣлать не возможно, и въ заключеніе просилъ преосвященнаго отнестись, куда слѣдуетъ, чтобы кельи въ Заваль истребить, жителей его разослать по деревнямъ, а главныхъ наставниковъ представить въ Сольвычегодскъ для увѣщанія. Отъ 15 марта слѣдующаго 1830 г., Августинъ доносилъ, что хотя сольвычегодскимъ исправникомъ получено изъ губернскаго правленія предписаніе сжечь Заваль, а живущихъ въ немъ расселить по деревнямъ, изъ которыхъ они вышли, но исправникъ не чинитъ исполненія по этому предписанію, и потому просилъ преосвященнаго о содѣйствіи. 12 апрѣля 1849 г. комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи дѣла о государственныхъ крестьянахъ сольвычегодскаго у. Карповъ и Ельцинъ, опредѣлилъ: находящійся въ сольвычегодскомъ уѣздѣ въ 25 вер. отъ Черевкова такъ называемый Завольскій раскольническій скитъ, за выбитіемъ раскольниковъ и по совершенномъ уничтоженіи въ ономъ раскольническихъ моленныхъ, передать въ вѣдѣніе вологодской палаты государственныхъ имуществъ, что и исполнено было 5 декабря того же года. Однако несмотря на это, существованіе скита секретно продолжалось. Въ слѣдующемъ 1850 г. благочинный Аксеновъ высказывалъ маѣніе, что усиленію въ краѣ раскола много содѣйствуетъ скитъ Заваль, находящійся въ 35 вер. отъ Черевкова. Въ томъ же году по распоряженію губернскаго правленія опять производилось слѣдствіе объ этомъ скитѣ, по бумагамъ, считавшимся уже уничтоженными. Посланный туда исправникъ нашелъ здѣсь нѣсколько му-

жиковъ и женщинъ, но по показанію ихъ, а равно и другихъ свидѣтелей, они проживали тутъ не постоянно, а только временно, первые — для охоты, а вторые — для собиранія ягодъ, при чемъ въ избахъ скита дѣйствительно оказались дачь и ягоды...

Заваль, какъ доносилъ Августинъ, являлся центромъ староѣрства въ краѣ, но кромѣ Завала были въ уѣздѣ и другіе скиты, имѣвшіе второстепенное значеніе. Благочинный священникъ Пучужской церкви Ѳеодоръ Максимовъ Нифонтовъ, отъ 21 апрѣля 1819 г. рапортовалъ преосвященному Онисифору, что староѣрцы прихожане Юмшской, Нижне-Тоемской и Нововыставочной церквей, умирая въ своей вѣрѣ, хоронятся на особомъ отведенномъ мѣстѣ, пониже деревни Заблудни (иначе — Заблуджской), отстоящей въ 4 верстахъ отъ Нововыставочной церкви, и именуютъ свое кладбище «правовѣрныхъ сушихъ христіанъ кладбищемъ», тогда какъ по распоряженію губернскаго правленія отъ 30 іюля 1818 г., запрещается именовать это мѣсто кладбищемъ и его раживать по примѣру кладбищъ при церквяхъ. Отпѣваніе умершихъ совершается здѣсь раскольническими наставниками, чѣмъ соблазняются православные. Слѣдствіе по этому дѣлу, веденное сольвычегодскимъ исправникомъ, раскрыло, что въ рѣкѣ Нижней Тоймѣ есть скиты въ которые исправникъ съ удѣльнымъ головою и депутатомъ съ духовной стороны пытались пробраться, но проникнуть туда по рѣкѣ не могли. Всѣ показали, что въ скитахъ живетъ до 28 человекъ иноковъ; молебни здѣсь нѣтъ, а собираются въ кельѣ, въ которой живетъ наставникъ Иванъ Филипповъ Конюхинъ. Онъ управляетъ службой, надѣвая рясу, мантию и клобукъ. Кромѣ Конюхина открывались раскольническіе наставники — Григорій (отчество, прозваніе и званіе неизвѣстны) Илларионъ Галактионовъ и Петръ Кондратьевъ Кувнецовскіе, Матвей Ивановъ Крошнинъ и Андрей Стахѣевъ Павфиловъ. Относительно всѣхъ ихъ было показано, что пребываніе они имѣютъ въ дѣсу, въ

раскольническихъ скитахъ, въ далекомъ разстояніи отъ селеній, и выходятъ въ селенія софдовенно привлекая въ расколъ простыхъ людей. Удѣльная контора 23 апрѣля 1821 г. «паки предписала» удѣльнымъ приказамъ: всѣхъ проживающихъ въ скитахъ или кельяхъ возвратитъ въ селенія для вразумленія ихъ. Но исполнить это было нелегко. Такъ контора отъ 27 іюля 1821 г. доносила, что голова верхотомскаго приказа успѣлъ возвратитъ въ дома свои только раскольниковъ Кирилла Ѳеодорова, Луку Ефимова и Ѳедора Васильева Ѳефилачевыхъ, проживавшихъ въ построенныхъ ими кельяхъ, но склонить ихъ къ православнои церкви въ скорости не можетъ по законѣности ихъ. А отъ 25 іюля того же года контора доносила, что вершинской волости деревни Лаваровской крестьянинъ Бажинъ, чинивъ провозжатаго, искалъ отца своего Анику съ 1792 г. и брата Ивана съ 1801 г., въ старообрядство вступившихъ; но, прибывъ на мѣсто, отстоящее отъ той волости болѣе 100 верстъ, которое было ихъ пребываніемъ, увидѣлъ одну келью, ихъ самихъ не нашелъ; верхотомской же волости дѣвки Акилина Ѳефилачева и Анна Дроздова обратились въ православіе не желаютъ, — проживаютъ онѣ въ архангельской губерніи, хслмогорскаго уѣзда, въ кельяхъ по рѣкѣ Юрѣ, впадающей въ рѣку Двину.

Въ особенности энергична была дѣятельность вышеупомянутаго наставника Конюхина. Въ 1821 году священникъ нижнетоемской п. Илья Пулькинъ доносилъ епископу, что его прихожане Немытковъ и Третьяковъ съ женами не ходятъ на исповѣдь и ко причастію, «за что, какъ они, такъ и прочіе крестьяне должны бы присылаться быть посредствомъ начальства къ церкви на поклоны, но мѣстное начальство — аонасеевскій приказъ и волостные выборные исполненія не дѣлаютъ, потому что владѣтель приказа самъ въ 1819 и 1820 годы у исповѣди не былъ по назначенію.» Немытковъ и Третьяковъ при посѣщеніи ихъ домомъ священникомъ въ началѣ великаго поста, первый не слушалъ мо-

литвы и не подходилъ на благословеніе, а второй—и совсѣмъ скрылся.

Оба они отправились въ скитъ по р. Тоймѣ къ наставнику Конухину, который перекрестилъ ихъ. Конухинъ носитъ платье подобно людямъ духовнаго званія, а на головѣ—скуфью, которую никогда не снимаетъ; онъ выходитъ изъ скита, бредетъ по приходу и престою народъ, особенно женскій полъ, ученіе его признаетъ за истинное.

На слѣдствіи, произведенномъ на основаніи именного указа 18 января 1801 г., по распоряженію генералъ-губернатора Клокачева, обнаружилось, что Конухинъ крестьянинъ удѣльнаго вѣдомства, боровецкаго приказа, деревни Сергіевской «Морозиха тожъ»; въ 1784 году, находясь на военной службѣ въ г. Архангельскѣ, бѣжалъ и скрывался въ Швеціи, возвратился въ Россію въ 1802 году и въ силу манифеста 1801 года приписался къ родной ему Сергіевской деревнѣ. О дальнѣйшей судьбѣ Конухина намъ ничего неизвѣстно.

О состояніи нижестойменскихъ скитовъ въ настоящее время подробныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Мало имѣемъ свѣдѣній и о Завалѣ. Извѣстно только, что среди старообрядцевъ Заваль пользуется громаднымъ уваженіемъ, и донынѣ они въ множествѣ паломничаютъ сюда: влекутъ ихъ гробы покоящихся въѣсь старообрядческихъ «отцовъ». Нѣкоторымъ уваженіемъ пользуется Заваль и со стороны православныхъ жителей. По сообщенію вологодскаго миссіонера, о. Аполлинарія Заплатина, около 1905 г. былъ поставленъ вопросъ о постройкѣ на Завалѣ храма; находился и жертвователь, нѣкій старый Черевковскій діаконъ, который желалъ быть тамъ священникомъ. По докладу устюжскаго Стефана-Прокопьевскаго братства вопросъ этотъ, кажется, въ томъ же году обсуждался въ вологодской консисторіи, но чье то противодѣйствіе не дало осуществиться этому намѣренію.

Исторія Завала свидѣтельствуетъ о той громадной живучести, какую имѣетъ русское старообрядчество, при всѣхъ его влеченіяхъ.

Протоіерей П. Рукинъ.